

УДК 94(470)

Суржик Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, главный архивист
отдела публикаций и научного использования документов, Центральный
государственный архив Московской области, г. Пушкино, Россия

e-mail: olga-surzik@yandex.ru

ТРУЖЕНИКИ НАУКИ В ДОКУМЕНТАХ НИЗОВЫХ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье на материале низовых профсоюзных организаций
показана повседневная жизнь тружеников науки Московского региона в 1920–
1940-е гг., практики их адаптации к изменяющейся реальности, способы
общественного служения и взаимодействия с властью.

Ключевые слова: история повседневности научных работников,
профсоюзы, Великая Отечественная война, история Московской области.

SCIENTISTS IN THE DOCUMENTS OF GRASSROOTS TRADE UNION ORGANIZATIONS OF THE MOSCOW REGION

Surzhik O. S., Candidate of Historical Sciences, Chief Archivist of the
Department of Publications and Scientific Use of Documents, Central State Archive
of the Moscow Region, Pushkino, Russia.

e-mail: olga-surzik@yandex.ru

Annotation. Based on the material the Grassroots Trade Unions organizations,
the article reflects the everyday life of science workers in the Moscow region in the
1920s and 1940s, the practices of their adaptation to changing reality, ways of social
service and interaction with the authorities.

Keywords: the history of everyday life of scientists, trade unions, the Great
Patriotic war, history of the Moscow region.

Документы фонда Московского областного комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, хранящиеся в Центральном государственном архиве Московской области, представляют собой материалы по истории повседневной жизни ученых различных отраслей за в контексте вызовов времени – социальной мобилизации, «огосударствления науки» [1, с. 11], насильственного «обновления» кадров в 1920-х, борьбой со «спецееством» и вредительством в 1930-х, тяготами военного и раннего послевоенного периода.

Профсоюз в 1920-е – начале 1930-х гг. был реальной властью на местах, и мог влиять на организацию быта, труда и досуга трудящихся всех отраслей и в более поздние годы. Это было, по сути, местное самоуправление, с которым власти и работодатели вынуждены были считаться.

На собраниях Академии Связи говорилось о безобразном отношении к работникам некоторых научных подразделений: «Работать заставляют, а оплачивать это на деле – хозяина нет, выплачивают только тогда, когда решишь на Р[асценочно]-к[онфликтной] к[омиссии]. В Академии имеется факт бюрократического отношения к хорошим работникам и старым работникам<...>, получатся наоборот – не закрепляют за производством, а разгоняют. Это говорит за то, что не выполняются постановления правительства» [11, л. 6 – 6 об.]. Отмечалось, что недостаток сотрудничества руководства с профорганизацией подрывает авторитет администрации.

На собраниях Академии 1937 г. ставился вопрос о способности руководящего состава «справиться с последствиями вредительства», в том числе, при оборудовании детских садов и яслей. Начальнику Академии Коноплеву не устраненные «последствия вредительства» стоили должности. «Профсоюзная организация должна помочь этому делу. Наши хозяйственники <...> даже не присутствуют на собрании, а их следует много покритиковать. Начальники подразделений должны изыскать способы, как вывести свои подразделения на первое место» [11, л. 14]. Укрепляющаяся во второй

половине 1930-х гг. высшая власть, желая заручиться поддержкой населения, ограничивала произвол бюрократии на низшем уровне. Так реализация властного ресурса в интересах своего носителя парадоксально способствовала защите прав трудящихся. И низовые профорганизации сыграли в этом не последнюю роль. В данный период все чаще для получения необходимого участники собрания ссылаются не на тяжелое положение трудящихся, а на решения высшей власти, требуя от своего руководства «подналечь как следует и выполнить решение партии и правительства по обеспечению возможности работы матери» [11, л. 18], обеспечив необходимое количество мест в детских садах.

В сложившейся ситуации противостояние администрации и профсоюза было неизбежно. Участники профсобрания отмечали противодействие и подрыв авторитета профорганизации со стороны дирекции. «Тов[арищ] Жидовецкий не может понять, что снабжение уборщиц халатами, тряпками и мылом – это есть снабжение для нужд всего института, а не для их собственных нужд. Правда, когда мы поднажали через газету <...>, тряпки и опилки появились<...>. Жидовецкий говорит: снимите этого профорга, зачем она ко мне ездит, халаты требует. А у нас сейчас халаты в клочки расползлись» [13, л. 27]. При этом говорилось, что профработники, выдвигая требования, должны учитывать обстоятельства: «Нельзя ставить вопрос так: я профсоюз, я унтер-Пришибеев» [14, л. 18]. На собрании также говорилось о необходимости объединения всех работников полиграфического института в одном месткоме для лучшей координации действий по обеспечению охраны труда на вредном производстве. Подчеркивалось, что в настоящий момент действия разных месткомов не согласованы, в результате чего нет вентиляции в цехе гальвано и лаборатории глубокой печати. Сотрудники и студенты работали там по две смены по 12 часов, подвергаясь воздействию испарений вредных газов.

Обобществление частной жизни [2, с. 270], проводимое через собрания, далеко не всегда встречало понимание даже среди активистов профсоюза. «Носкова мне в присутствии ряда товарищей заявила, что она на собрания

ходить не будет<...>, что ей дома рыбу жарить надо, что пусть выводят ее из отличников. Сегодня она на собрание все-таки пришла, видимо, агитация подействовала. Но такое отношение отличников к общественным организациям не годится» [15, л. 47].

В 1930-е гг. в контексте вызовов стахановского движения, в условиях требований сокращения штата и «уплотнения» рабочего времени ученые пытались определить критерии, по которым можно было оценить их работу. Для выдвижения в стахановцы решающим, по их мнению, должен был стать не количественный, а качественный показатель. «Стаханов поднимает на-гора определенное количество центнеров угля, подсчитать это легче всего. Это дает ему стимул и дает государству определенные ощутимые результаты. Наша работа требует более длительного периода, но вопрос зарплаты будет иметь здесь большое значение <...>. Люди работают не за страх, а за совесть, и все-таки срывают исполнение этой темы. Работа оказывается настолько сложная, что сразу чрезвычайно трудно предусмотреть все мелочи для выполнения этой работы <...>. В нашем институте пока что стахановцев мы не выделили, но таковые намечаются. Есть несколько человек, работа которых в будущем сыграет такую же роль, какую сыграла работа Лысенко. Есть инженер-технолог, который сумел дать способ превращения фекальных масс в удобрения азотистые» [10, л. 112].

Научно-техническая советская интеллигенция должна была играть роль «инициатора и проводника стахановских методов работы в области науки и техники». На совещании по вопросу стахановского движения при Московском областном комитете союза работников высшей школы и научных учреждений говорилось о недопустимости измерения качества научной работы ее количеством. «Нужно будет, разумеется, добиваться того, чтобы ваши передовики, особенно новые в этой области – научные работники, преподаватели, профессора видели перед собой перспективу<...>, чтобы они считали, что в высшей школе на этой базе нужно добиваться новых результатов без вульгаризации, без упрощенчества и механического подхода» [10, л. 83–83]

об.]. Бурные дискуссии вызывал также вопрос научной организации труда. «Распределение людей, их расстановка, распределение труда и т.д. – это основа научной организации труда. Рабочие на производстве это поняли, практически освоили и потому дают такие показатели. Мы же, научные работники, в этом отношении отстаем» [10, л. 89]. В документах отражены споры о возможности применения стахановских методов работы в учебных заведениях и научно-исследовательской работе.

Ключевые события современности находили отражения в документах низовых профорганизаций в идеологическом контексте. Так, в отчете о работе месткома при Институте Востоковедения имени Нариманова значится: «Во всех политкружках были изучены 2 темы: «Сталинская конституция СССР – итог борьбы и победа социализма в СССР». «Как, и в борьбе с какими врагами большевистская партия добилась победы в СССР».

Местком Союза высшей школы и научных учреждений при Центральном научно-исследовательском институте средней школы заявлял о необходимости борьбы с бюрократизмом, разгильдяйством и подхалимством, выполняя наказ, данный общим собранием на основе решений VI пленума ВЦСПС. В числе основных задач значилось «овладение большевизмом, вооружение марксистско-ленинской теорией, воспитание членов союза в духе ленинско-Сталинской идейной непримиримости к врагам народа и повседневной бдительности» [14, л. 11]. Это должно было привести к повышению качества научно-исследовательской работы.

В рамках борьбы с бюрократизмом руководителям предприятий доставалась изрядная доля критики от профсоюзов за начальственно высокомерие. «Особенно безобразны были выступления директора завода Салтанова, который показал свое лицо бюрократа, свою политическую ограниченность (член партии), свое непонимание установки нашей партии и указаний товарища Сталина в части критики и самокритики». Вместо самокритики и указания путей изжития своих ошибок и недочетов, Салтанов стал их «замазывать». По тому же пути пошел его заместитель по

административно-хозяйственной части Филиппов, который утверждал, что «не его вина, если стены перекрашиваются по пять раз, что стройка затягивается по вине академика Муралова и Наркомзема Чернова, что он об этом написал в «Правду». Оба они выступали с пачками документов в руках. В этом Институте в ходе собраний и разговорах с рабочими выяснился факт, еще раз подтверждающий правоту товарища Сталина в том, что руководители должны внимательно прислушиваться к голосу масс. Этот факт показал, как решение Пленума ЦК ВКП(б), указания товарища Сталина и решения VI Пленума ВЦСПС высоко подняли бдительность наших рабочих и, с другой стороны, как факт, показали наличие беспечности, проявляемой со стороны дирекции института и завода» [13, л. 34].

В документах отмечаются достижения местных профорганов, несмотря на игнорирование их решений администрацией. «Нет на собрании хотя бы представителя администрации <...> Некоторые работники долго не получают зарплаты, несмотря на обращения в МК. Сидит бюрократ в отделе кадров – Начальник, не хочет разговаривать, для выяснения этих вопросов необходимо заглянуть в финотдел, где сидит бюрократ Алексахин, который тоже не хочет разговаривать» [11, л. 20].

Отчет о работе областкома, выводы и заключения по расследованию писем научных работников и газетных заметок за 1937–1938 г. рассказывает о немецком шпионе, работавшем на заводе и воровавшем чертежи: «Этот подлый гитлеровец так зарекомендовал себя, что партийная организация приняла его в сочувствующие. Но рабочие не видели в нем своего человека. На одном из собраний рабочие указывали, что Пфейфер посещает немецкое консульство в Москве, что он подписывает Гитлеру хвалебные грамоты, но на эти заявления рабочих не было обращено должное внимание<...>. Пфейфер в рабочее время пришел на завод, свободно разгуливал по всем лабораториям, собрал все, что ему необходимо, в особенности чертежи, набил ими портфель, но все в портфель не поместились, некоторые он просто нес в руках. Один из часовых уже пропустил его, но когда рабочие заметили, что нагруженный чертежами

Пфейфер проходит, они предупредили часового, чтобы он его не пропустил. Когда часовым не разрешил вынести чертежи, этот шпион вернулся на завод, положил чертежи на окно в том месте, где никто не видит, вышел без ничего и снаружи в окне взял чертежи и бросился удирать. Убегающего Пфейфера заметила работница Бубенцова, она срочно сообщила в партком, организовали погоню и задержали шпика, уносившего секретнейшие материалы с завода» [13, л. 35].

В рамках борьбы за самокритику протокол общего собрания сотрудников комитета по делам высшей школы от 13.06.1937 г. сообщает о недочетах в работе ВАК, семейственности, «делячестве» и врагах народа. Один из руководителей оправдывается: «В работе ВАКа в моем руководстве была семейственность». Кроме того, руководителю пришлось оправдываться перед собранием и в оказанном доверии бывшей жене врага народа Бухарина, которое явилось «деловой и политической ошибкой». «Мне известно было, что Травина была женой Бухарина. Мне отлично была известна та позиция Бухарина, которую он занимал в отношении партии в то время, когда Травина с ним жила<...>. Предположить, что она была просто обывательницей, нельзя было, так как не таким она была человеком. И я этого человека не распознал. Я ей оказывал доверие, какое можно было оказывать хорошо проверенному в боях партийному товарищу». Члены собрания утверждали, что подготовка научных кадров – политический вопрос. Отмечалось также, что ученые степени и звания получали и враги народа. «Кадры преподавателей социально-экономических наук требуют особого внимания. Везде, где мы были в ВУЗах, преподавание этой дисциплины стоит на весьма низком уровне. А это важнейшая дисциплина, которая должна была лечь в основу мировоззрения студентов. По этой дисциплине имеется громадное количество неудов. А в Ленинграде, например, обнаружены на этой кафедре враги народа» [12, л. 21–24].

На собраниях жесткой критике подвергался «широко распространившийся метод устройства на работу своих людей, членов семьи и т.д.<...>. Следствием зажима самокритики явилась потеря классовой

бдительности, ввиду чего двурушница Травина, бывшая жена врага народа Бухарина, исключенная из партии, в течение длительного времени руководила ответственным участком работы Комитета – ВАКом и творила там свои грязные дела» [12, л. 35]. Также отмечалось, что не был обсужден план по ликвидации последствий вредительства, чем поставлено под угрозу выполнение решения февральского пленума ВКП(б) 1937 г.

Уравнительная оплата труда признавалась тормозом в развитии социалистического соревнования и подлинного ударничества. «Люди разной квалификации получают одинаковый оклад. Нет борьбы за повышение квалификации» [11, л. 4].

Московский горный институт имени И.В. Сталина заключил договор о соцсоревновании с Днепропетровским горным институтом имени Артема Сергеева на 1943–1944 учебный год. Документ включал раздел по учебно-производственной работе, в котором в целях повышения научной квалификации профессорско-преподавательского состава планировалась защита 5 докторских и 3 кандидатских диссертаций, расширение сотрудничества кафедр института с предприятиями угольной промышленности, обеспечение дополнительных учебных мероприятий, в том числе, со студентами-инвалидами войны и шахтерами, научно-технической кружковой работы, и т.д. Раздел по научно-технической работе и помощи промышленности помимо обязательств расширения научных исследований и публикаторской деятельности кафедр планировал привлечение студентов к исследованиям и оказание экспертно-консультационной помощи предприятиям угольной промышленности. В договоре также имеется раздел о политико-просветительной и культмассовой работе, оборонно-физкультурным мероприятиям и бытовому обслуживанию. Практика соцсоревнования между ВУЗами получила широкое распространение. Однако с соцобязательствами нередко возникали анекдотические ситуации. «Одна кафедра дает соцобязательство – то выполнить, это выполнить и т.д., в общем, расписала целый лист, в конце написано: данное соцобязательство проводится штатными

преподавателями кафедры. А на этой кафедре ни одного штатного преподавателя нет. Значит, и проводить это обязательство некому» [6, л. 313–315].

Отчет о работе месткома Союза высшей школы и научных учреждений при Центральном научно-исследовательском институте средней школы содержит задачи по соцсоревнованию для своих сотрудников: «высококачественное и досрочное выполнение плана научной работы, участие в подготовке к проведению январских учительских конференций, массовая работа с учительством и помощь школе; улучшение организации методов научной работы» [14, л. 17].

Повышение уровня образования профработников осуществлялось посредством академической профессуры. С данной целью местком Академии связи поставил перед собой задачу в 1935–36 учебном году организовать школу среднего образования. Таким образом воплощалась принятая в ученой среде еще до революции идея служения интеллигенции.

В годы Великой Отечественной войны профсоюзы оказывали помощь семьям фронтовиков, в том числе, вдовам и сиротам погибших. Помощь могла быть оказана также при болезни. Так, врач Гузман просил обком за доцента МИМЭС Гудкова, который «болен язвой желудка, дававшей повторные обострения на протяжении последних двух лет, вызвавшей значительное похудение и понижение работоспособности. Помимо спецлечения<...>, срочно нуждается в материальной помощи для улучшения качества питания в ближайшее время. Положение больного осложняется тем еще, что жена его, только что вернувшаяся из родильного дома, подвергнута операции и пока сама нуждается в уходе со стороны мужа».

Сохранилось также письмо Месткома Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина в обком Союза высшей школы и научных учреждений о помощи аспирантке, живущей на стипендию, и старшему лаборанту кабинета физиографии, которая дважды за время войны была на лесозаготовках, имеет на иждивении дочь. Муж на фронте, состояние

здоровья требует усиленного питания. Помощь также получила пострадавшая от пожара семья фронтовика. Одиноким матерям с детьми оплачивались путевки в дом отдыха. Материальную поддержку также могли оказать бывшим фронтовикам, имевшим серьезное ранение, о чем свидетельствует заявление инвалида войны, офицера Красной армии А.С. Царионова «В 1939 г. [я] окончил МИФМ (исторический факультет). После этого был призван в ряды РККА, где и прослужил до июля 1943 г. После этого в результате тяжелого ранения находился на излечении (госпиталь, санаторий под Москвой). В данное время нуждаюсь в материальной поддержке для поездки на временное жительство по состоянию здоровья в деревню (Башкирская АССР, Шаранский район)» [7, л. 37]. Резолюции на документах свидетельствуют о получении заявителями материальной помощи в размере 300–500 рублей.

В коротких строчках заявления отражается глубокая трагедия человека, потерявшего всех близких и все имущество. «Я и мой муж в 1941 году в октябре месяце были мобилизованы и отправлены на фронт. Мужа убили. Мать погибла в Сталинграде. Вернувшись 3 месяца назад с фронта, узнала, что квартира, в которой я проживала, сгорела. Проживаю совершенно у чужих людей. Кроме военной формы ничего не имею. МК обкома предлагает помочь достать кое-что из белья и Райисполком обещает два ордера на пальто и обувь, но выкупить ничего не могу, ввиду того, что не имею средств. На мое ходатайство в райжилотделе об ускорении предоставления мне жилплощади ответили, что поставили меня на очередь» [7, л. 100].

Деньги выделялись также на детский досуг. Письмо председателя месткома Академии наук СССР Н.И. Мордвина председателю обкома Союза высшей школы и научных учреждений Е.Ф. Аникеевой содержит просьбу об утверждении сметы на содержание и оборудование клуба пионеров при Доме ученых, организацию елки для детей фронтовиков, повышение квалификации преподавателей английского, французского и немецкого языка. Несмотря на тяжелое время, деньги выделялись на покупку музыкальных инструментов для кружка самодеятельности рабочей молодежи.

Профсоюзы решали вопросы оплаты сверхурочных переработок и вознаграждений за перевыполнение плана. «Большое число сверхурочных работ и переработок объясняется наличием ряда специальных и срочных заданий (библиотека, бухгалтерия), а также обслуживанием лекционных и семинарских мероприятий с учительством». Члены профсоюза посещали больных, проводили мероприятия по профилактике заболеваемости и производственных травм.

Материалы по массово-производственной работе Мособкома работников Высшей школы и научных учреждений содержат сведения об оказании помощи диссертантам в вопросах выявления диссертационной тематики, оплате работ по оформлению диссертаций через дирекцию, проведению занятий по иностранным языкам, организации научных командировок, выявлении личных нужд диссертантов.

Заметка в стенгазету 1937–1938 г. призывает сотрудников Института кролиководства к социальному служению. Для этого в работе необходимо учитывать запросы производства, иметь инициативную связь с хозяйствами и помогать им в выполнении плановых заданий, анализировать материалы работы районов и отдельных хозяйств. Кроме того, требуется проявление «максимальной бдительности» на всех участках работы. «Замеченные искажения основных установок в области организации кролиководства должны быть немедленно вскрываемы». Заметка критикует бездушное и бюрократическое отношение к колхозникам и непонимание основных нужд производства. «Нашлись люди в институте, которые пытались упрекнуть дирекцию за отпуск животных [колхозам] по низким ценам, по сравнению с обычной отпускной ценой для всех граждан» [13, л. 163–165]. Критике подвергалось также безответственное отношение к «опытным» животным, которых отправили на производство больными и невзвешенными.

Нередко в текстах документов низовых профорганизаций отражается свойственный православной культуре паттерн поведения – «служение не за страх, а за совесть». «Некоторые научные работники склонны рассматривать

науку для науки и далеки от советской науки, которая не отгораживается от народа, а обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой».

Участники собрания сотрудников издательства «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов» изъявили желание остаться в составе профсоюза Высшей школы и научных учреждений, альтернативой было вступление в союз Политпросветработников. «Сохранение нас в союзе научных работников возлагает на нас огромную ответственность по линии поднятия нашей научной квалификации<...>. Примерно 80% нашего состава составляет научно-исследовательский аппарат. К нам обращаются из разных мест и из Комакадемии, и из «Правды», и других мест с такими требованиями, которые говорят, что мы в ИГВ и ИФЗ занимаемся историей, которая является наукой<...>. Все это требует того, чтобы мы поднимали нашу научную квалификацию, т.е. переучивались, даже профессора, которые есть среди нас, для этого нужна соответствующая обстановка, для этого мы должны быть и в соответствующем союзе <...>. Наша издательская часть является придатком к нашей научно-исследовательской работе, а по нашей основной работе мы должны войти в союз работников научных учреждений» [6].

Документы низовых профорганизаций не обходят стороной и научные дискуссии, причем с опорой на идеологические клише в качестве усиления аргументации: «Доклад академика Г.Д. Лысенко «О положении в биологической науке», одобренный ЦК ВКП(б) и постановлением сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина дали решительный отпор реакционному вейсманистскому (менделеевско-морганистскому) направлению в агробиологии, с небывалой убедительностью показали прогрессивность материалистического Мичуринского учения о живой природе и ее переделке. Борьба двух противоположных направлений в биологической науке: революционного научного мичуринского и реакционного вейсманистского (менделеевско-морганистского), показывает, что эта борьба между силами прогресса, с одной стороны, и силами реакции, с другой, является одной из форм идеологической борьбы социализма с капитализмом на

международной арене<...>. Преподавание многих биологических дисциплин основывалось на программах и учебниках, насыщенных реакционными теориями представителей вейсманистского (менделеевско-морганистского) направления в биологической науке (Шмальгаузен) <...>. Прогрессивное направление в биологии и агробиологии, представленное Тимирязевым, Мичуриным, Вильямсом, Лысенко, является творческим развитием дарвинистского учения, новым высшим этапом материалистической биологии, оказывающим практическую помощь социалистическому сельскому хозяйству» [9, л. 113–114]. Таким образом, ставился знак равенства между научностью и материализмом, а критерием научности теоретической базы провозглашался марксизм.

Одобряемые властью идеологические основания всеми силами пытались подвести под научные концепции, хотя достичь этого было не так просто. Приходилось проявлять немало изобретательности. «Докл[ад] т[оварища] Шрейдер <...>, излишне, пожалуй, растянутый, но основательный и исчерпывающий связал [произведение В.И. Ленина] с актуальными проблемами педагогической науки и практики. Из хода работы кружка над книгой «Что делать» [извлекли] вывод, что эта книга Ленина очень помогает в осмысливании проблем, которые ставит советская педагогическая наука» [14, л. 27].

В фонде встречаются документы об ученых, внесших вклад в победу над фашистами. Протокол заседания Президиума Мособкома профсоюза работников высшей школы и научных учреждений свидетельствует о поддержке ходатайства Ученого Совета Московского автомобильно-дорожного института имени В.М. Молотова, дирекции, партийной и профсоюзной организации ДОРНИИ МВД СССР, Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР и других научных и общественных организаций о присвоении звания заслуженного деятеля науки, профессору Николаю Николаевичу Иванову «в связи с 60-летием со дня рождения и многолетней плодотворной научно-педагогической и инженерной деятельностью». Н.Н.

Иванов был не только одним из первых организаторов научно-исследовательской работы в автомобильно-дорожном хозяйстве СССР, крупнейшим специалистом в области общего и специального дорожного грунтоведения, механики дорожной одежды и строительства усовершенствованных дорог, создателем теории грунтовых и гравийных смесей, уплотнения земного полотна при скоростном строительстве автомобильных дорог, автором более чем 150 опубликованных научных трудов, «имеющих огромное значение». Ученый внес немалый вклад в дело аэродромного строительства. «За 37 лет своей инженерной и научно-педагогической деятельности профессор Н.Н. Иванов работал в качестве доцента Ленинградского института инженеров путей сообщения, консультанта и научного руководителя Нижневолгопроекта (г. Куйбышев), начальника исследовательского отдела строительства Москва-Минск и др. научных организациях. С 1942 г. по настоящее время проф. Иванов Н.Н. работает директором Дорожного научно-исследовательского института Главного управления шоссейных дорог Министерства внутренних дел СССР, одновременно являясь профессором кафедры «Строительство дорог» Московского автомобильно-дорожного института имени В.М. Молотова <...>. В годы Великой Отечественной войны профессор Н.Н. Иванов оказал непосредственную помощь Ленинградскому, Северному и Красно-Знаменному Балтийскому фронтам. В период блокады г. Ленинграда профессор Н.Н. Иванов отказался от эвакуации в тыл и, несмотря на преклонный возраст, принимал непосредственное участие в обеспечении ледяной переправы через Ладожское озеро». Профессор награжден орденами «Трудового красного знамени» и «Красной звезды»» [9, л. 253].

Повышению образовательного уровня населения придавалось общегосударственное значение, при этом ответственность за реализацию важного государственного и общественного проекта возлагалась и на образованную часть общества. Большое внимание работниками Академии уделялось ликвидации неграмотности среди технического персонала, силами

сотрудников, имеющих высокий уровень образования. На собрании критиковались действия начальников низшего персонала, которые не обеспечили возможность обучения для своих подчиненных. «Они считают, что решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о ликвидации неграмотности ни к чему их не обязывает. Они считают, что это дело исключительно профсоюзное, а не общегосударственное, поэтому они не только не помогают, но и срывают работу ликбеза<...>. Это дело государственное, и в одной мере касается как профсоюза, парторганизации, так и командования» [11, л. 7]. В Академии связи, например, в 1937-1938 гг. в средней школе обучалось 110 рабочих, служащих и членов их семей, неграмотных значилось 12 членов семей сотрудников, малограмотных – 21 человек. В балетном детском кружке числилось 25 человек, кружке кройки и шитья – 15, художественной вышивки – 16, мотокружке – 25, детском музыкальном – 15. Также при профсоюзе существовал теннисный, волейбольный, стрелковый кружок.

Пять преподавателей занимались русским языком и математикой с 11 обучаемыми. Первое полугодие отмечалась лучшая посещаемость, вторая половина была частично сорвана по причине перехода учащихся на вторую смену работы и загруженности их домашними делами, а также из-за болезни преподавателя.

Важное место в просветительной деятельности научных работников отводилось культработе, которая заключалась в проведении лекций и экскурсий, например, в Музей революции, Музей красной армии, Антирелигиозный музей, а также «коллективное посещение мавзолея для домохозяек-избирательниц». По поводу кружковой работы Центрального научно-исследовательского института средней школы отмечено, что литературному, а «особенно научно-педагогическому кружку» не хватает массовости. В программу культработы входили также «библиотека-передвижка», выписка газет, установка радио, посещение кино и театра, организация тематических вечеров др.

В отчете о работе месткома при Институте востоковедения имени Нариманова содержатся сведения о культработе: экскурсии на пушкинскую выставку, лекции по литературе в Политехническом музее, по литературе и искусству при Доме Ученых, по античной философии при МГУ. Также были проведены культпоходы в кино на фильмы «Петр I», «Первая любовь», «Ленин в октябре», «Выборы в Верховный Совет». Для детей к Новому году приобретали подарки, на зимние каникулы закупили 7 пар коньков с ботинками и 3 абонементов на каток. Для студентов и сотрудников в актовом зале института еженедельно демонстрировались кинофильмы.

В обязанность профсоюза научных работников входила и физкультурная работа среди населения. Согласно отчету о работе месткома при Центральном научно-исследовательском институте средней школы, физкультурная работа была плохо организована по вине профорганизации и общества «Наука». «Секция охотников и рыболов (10 человек) работает без помощи со стороны Оргбюро общества «Наука». Зимний сезон был провален, хотя в коллективе есть и лыжники, и конькобежцы, и имеется некоторый инвентарь» [14, л. 54].

В Академии связи в 1937-1938 гг. также отмечалось отсутствие антирелигиозной работы. Несмотря на поощрительные меры, применяемые к пропагандистам нового безбожного быта, ощущался существенный недостаток кадров для ведения антирелигиозной пропаганды. Культотделом профсоюзов различных отраслей признавалась необходимости организации «безбожных курсов» по теории и практике «безбожной работы» [5, л. 41]. Однако антирелигиозные курсы не пользовались популярностью у населения и оставались недоукомплектованными. В качестве одной из важнейших задач была названа своевременная сдача брошюр по «антирелигиозному воспитанию» на уроках биологии и зоологии.

В октябре 1938 г. при месткоме Центрального научно-исследовательского института средней школы была организована ячейка Союза воинствующих безбожников, в который вошли 11 человек. «За период своей работы СВБ сделало 8 докладов – бесед, преимущественно, среди технических служащих, 3

доклада – на избирательных участках и 2 доклада – в воинских частях; проведена экскурсия в антирелигиозный музей (участвовало 15 человек)» [14, л. 22].

Отчет о работе месткома при Центральном научно-исследовательском институте средней школы содержит сведения о проведении антирелигиозной пропаганды. В апреле 1938 года были запланированы доклады «Религия и шпионаж» и «Происхождение Пасхи», первый был вычеркнут из программы. Нередко антирелигиозная пропаганда проводилась в ключе противопоставления научного знания и веры. Местком при Центральном научно-исследовательском институте средней школы с 1937 года планомерно занимался военно-шефской работой. Профессора, научные работники, лаборанты выступали перед красноармейцами с докладами по литературе, химии, физике, а также с антирелигиозной пропагандой, причисляемой к области знания. С 15 сентября по 15 марта было представлено 22 доклада, нередко сопровождаемых демонстрацией кинофильмов, опытов, иллюстраций, выставок.

Продовольственную проблему научные работники частично решали при помощи огородов и подсобных хозяйств, как индивидуальных, так и коллективных. В стенограмме заседания обкома профсоюза по вопросу организации индивидуальных и коллективных огородов за 1945 г. создание подсобных хозяйств было признано первостепенной задачей оборонного характера. Под огороды давали 5 гектаров земли в Шелепихе и Кунцеве, по 100 квадратных метров на человека, где планировалось посадить капусту, свеклу, помидоры, лук, морковь, петрушку, картофель. «У нас есть договоренность, что мы будем снабжены семенами ранних и поздних культур, кроме картофеля. Что касается картофеля, то потребуется около 5 центнеров клубных верхушек. Заготовка идет с декабря месяца во всех овощехранилищах, и Мосгорплан дал заверение, что университет в данном случае будет удовлетворен в том количестве клубных верхушек, которое ему требуется» [7, л. 2–3], – значит в стенограмме. Однако впоследствии с семенами возникли проблемы из-за

дороговизны и срыва поставки. В Институте имени Плеханова планировалось использовать органические удобрения. «Минеральные удобрения мы еще не закупили. Что касается органического, как навоза, то уже собрали около 20 возов, и имеется возможность достать еще навоз в большом количестве, поскольку мы связаны с воинской частью, а там имеются лошади. Мы договорились, чтобы собирали этот навоз, и будем его перевозить, как только получим участок». Для обработки земли под посев предполагалось использовать тягловую силу: «Как обстоит дело с тягловой силой? В Институте имеется одна лошадь, и по договоренности с дирекцией, в период обработки земли нам эта лошадь будет предоставлена полностью. Мы думаем, что потребность в лошади будет около 3 гектаров. Имея в виду эту лошадь и то, что сами будем помогать, думаем, что с обработкой дело будет обстоять благополучно».

Земельные участки организации получали в своих райсоветах в соответствии с количеством лиц, записавшихся для обработки этих участков без ограничений, «вплоть до того, что если домашние хозяйки, неработающий состав скооперируется» [7, л. 9–9 об.]. Семена, кроме картофеля, выдавались по заявкам Райсовета, в которых указывался размер участка и необходимое количество семян. Участки и семена могли выделяться студентам.

Проект постановления обкома Союза работников высшей школы и научных учреждений от 09.06.1946 г. свидетельствует о состоянии профессорской столовой №1, которая «своевременно перестроила свою работу, в частности: имеет постоянный 10-дневный запас продуктов, выдерживается минимальный ассортимент первых и вторых блюд, санитарное состояние, оборудование зала и кухни удовлетворительное. За культурное обслуживание прикрепленных, вкусовые качества и разнообразие приготовляемой пищи, столовая заслуженно пользуется хорошей репутацией и положительными отзывами. Дирекция столовой проявляет заботу и инициативу в изыскании нелимитных продуктов, благодаря чему питающиеся зачастую имеют дополнительное питание (зелень, компот, грибы, специи и т.д.)» [11, л. 140].

Бригада общественных контролеров при участии профработников могла решать вопросы рабочего снабжения и, как пресечения злоупотреблений в данной сфере, так избавления от ответственности невиновных. В январе 1948 г. комиссией в составе начальника Торготдела ОРСа, продавщицы и бухгалтера, составлен акт на «списание пришедших в абсолютно негодное состояние к продаже из находившихся на витрине из испорченного грызунами» промтоваров на сумму 4119,70 к[опеек], в том числе: галоши дамские и мужские, полуботинки, шарфы шерстяные, креп, воротнички шелковые, шляпы фетровые и т.д. Представитель общественности, как того требовало положение, приглашен не был. 6 марта 1948 г. тремя сотрудниками института во главе с членом Центр[альной] комиссии Обкома профсоюза Вышелесским Н.А. был составлен акт, что в буфете №4 столовой института при проверке установлены обвесы бутербродов, так, вместо 50 гр[амм] хлеба оказалось 30, 40 и 35 гр[амм]» [8, л. 131]. 23 января 1948 г. бригада общественных контролеров института установила и составила акт, что начальник ОРСа т. Фельдман в декабре 1947 г., накануне отмены карточной системы, оставил в своем распоряжении 430 метров хлопчатобумажной ткани и 18 метров шерсти, которая была роздана сотрудникам ОРСа по 15 метров хлопчатобумажной ткани и шерсти по 3 метра, 225 полотенец, часть этих материалов выдана посторонним. Чтобы скрыть факт нарушения, были подделаны наряды и расписки.

Профсоюзы могли разбирать дела о мелких кражах и принимать решение в этой связи. «Увольнение уборщицы Табуновой произведено в связи с обнаружением в ее личных вещах одной простыни и нескольких наволочек со штампом академии». Табунова объясняет данное обстоятельство тем, «что в свое время при очередной смене ей постельного белья она сменила принесенное ею из дома свое собственное постельное белье, не придавая никакого значения штампам Академии» [8, л. 172 об.]. В итоге увольнение уборщицы было признано незаконным.

Стенограмма отчетно-перевыборного собрания сотрудников полиграфического института содержит сведения о проблемах обеспечения

работников спецпитанием. «Спецпитания мы добились, но снабжение было налажено безобразно. Теряется смысл спецпитания, когда люди две недели не получают молока, а потом сразу человек получает два ведра молока, чуть ли не корову приводят» [15, л. 7].

Профсоюзы способствовали обеспечению возможности лечения и восстановления для трудящихся, организации пионерлагерей. «Местком полиграфического института в 1937-1938 гг. работал очень хорошо, давал всем путевки. Я лично получила две путевки в Дом отдыха. Всех больных представители местного комитета навещали на дому. В общем, местком работал хорошо, все были довольны» [15, л. 27].

Несмотря на изменчивость организационных форм и идеологическую риторику преемственность между дореволюционной и советской наукой сохранялась [1, л. 11] не только в сфере научных знаний, но также в области культурных ценностей, нравственных ориентиров и паттернов поведения. В ученом сообществе социальный статус мог существенно отличаться от социальной роли [3, л. 66–67]. Вне зависимости от социального статуса социальная роль образованного человека оставалась в 1920-1940 гг. высокой. Благодаря усвоенной установке о служении интеллигенции, базирующейся на православном представлении о власти и ответственности, ученые осуществляли социальное служение, передавая свои знания или результаты научных разработок другим людям. В ряде документов данная установка противопоставляется «веховско-модернистскому» представлению о существовании науки ради науки. Профсоюз работников высшей школы и научных учреждений, проводя в научном сообществе политику власти, частично трансформировал ее деструкцию путем паттернов поведения, свойственным русской культуре, основанной на Православии.

Список источников

1. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920-1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.

2. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

3. Тимашев Н.С. Феномен власти // Методологические работы: 1920-1930 годы. М.: Наука, 2010.

4. Центральный государственный архив Московской области (Мамонтовка) (ЦГАМО). Ф.307. Оп.1. Д.26.

5. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 15.

6. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 16.

7. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 21.

8. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 52.

9. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 1. Д. 53.

10. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д.1 6.

11. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 17.

12. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 29.

13. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 30.

14. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 32.

15. ЦГАМО. Ф. 319. Оп. 2. Д. 33.